

— Мой покойный муж был из весьма состоятельной семьи, и ко мне относился неплохо. Конечно, нельзя сказать, что мы жили душа в душу, но, по крайней мере, он не поднимал на меня руку и не относился с холодным равнодушием. Вот только его мать, моя свекровь, меня невзлюбила, постоянно попрекая тем, что за меня при женитьбе пришлось заплатить слишком большой выкуп.

— Некоторое время назад объявилась госпожа Мань и заявила, что она моя родная мать, предложив мне уехать с ней. Я согласилась, не раздумывая. Знаешь, сколько она отвалила семье Су?

— Несколько миллионов? Пожалуй, это максимум, что она могла себе позволить, — ответила Лян Хань. Те две карты, что Су Ци ей передала, были с балансом в несколько сотен тысяч на каждой — для семьи Цзин это уже были немалые деньги.

Семья Цзин относилась к разряду зажиточных, но без особых излишеств: не богачи, но и не бедняки. Выложить сумму побольше для них было бы уже затруднительно.

Су Ци кивнула:

— У всей семьи Су активов едва ли набралось на несколько сотен тысяч, если учитывать дом и землю, не считая тех насекомых Гу.

Разрыв в уровне достатка был очевиден.

— Для семьи Цзин такие траты не стали бы проблемой, в конце концов, ты моя сестра, и это было бы лишь долгом. Но скажи, зачем ты на самом деле пришла ко мне сегодня?

— Я не дочь Цзин Юаньси.

Цзин Юаньси — так звали отца семейства Цзин. От этих слов рука Лян Хань, державшая чашку, дрогнула. Это признание... что оно означает? Надеюсь, это не то, о чем я подумала.

— Госпожа Мань и господин Цзин поженились двадцать два года назад, а мне сейчас двадцать пять.

— Господин Цзин не особо жаждал моего присутствия, и, по правде говоря, это вполне объяснимо. Я взрослая женщина, мне не нужно ютиться у него под крылом, поэтому я ушла и была устроена госпожой Мань здесь, у тебя.

Лян Хань попыталась поставить себя на место отца Цзин... Ей показалось, что он и так проявил редкое великодушие, приняв её у себя.

— Прожив здесь столько времени, я наконец осознала: я не повилика, способная существовать

лишь на чужой опоре. Я могу выжить без кого угодно, поэтому решила уйти. Пришла попрощаться.

Лян Хань усмехнулась, чувствуя, что эта женщина явно держит её за дуру:

— Су Ци, чего ты от меня хочешь? Если бы ты действительно хотела уйти, то не стала бы выкладывать мне всё это.

Су Ци налила себе ещё чаю:

— Я искренне хочу уйти. А что касается того, почему я всё это рассказала... наверное, мне просто досадно.

— Не стану скрывать: я ненавижу их. Ненавижу за то, что они продали меня или просто потеряли, а теперь так легко и непринужденно уходят от ответственности. Мне просто обидно.

Лян Хань кивнула:

— Когда ты собираешься уезжать? Куда направишься и чем планируешь заниматься? Если понадобится помощь, дай знать.

Согласно словам госпожи Мань, именно семья Мань когда-то потеряла её. Цзин Хан за всё время видел их от силы пару раз и помнил лишь, как однажды, навещая отца и госпожу Мань, случайно столкнулся с ними. Они выглядели до крайности постаревшими и изможденными. Атмосфера была настолько тяжелой, что он не стал задерживаться и поспешил уйти.

Впрочем, разузнать подробности не составит труда — соседи всегда что-то да знают.

— Спасибо.

Когда Лян Хань собралась расплатиться, ей сообщили, что счет уже оплачен Су Ци. Она ушла вместе с Юэ Си, но её не покидало любопытство: откуда у той деньги? Ведь та банковская карта всё ещё была у неё, а даже если госпожа Мань дала ей ещё немного, после всех недавних трат деньги должны были закончиться.

Что-то здесь было не так.

Лян Хань решила не выпускать это из головы.

Су Ци сдержала слово: ушла быстро и решительно. Когда Лян Хань вернулась домой, от неё не осталось и следа, а все вещи, которые та успела закупить, исчезли вместе с ней.